

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.3>

Елатко Татьяна Александровна

Особенности лексической репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде

В статье рассматривается лексико-семантическое наполнение концепта КОНЬ на материале кубанской казачьей фразеологии. Цель исследования - описание лексической репрезентации данного концепта в кубанских пословицах, поговорках и фразеологизмах. На основе семантической характеристики основных имён концепта - лексем "конь" и "лошадь" - сделаны выводы о том, что в кубанском фразеологическом и паремиологическом фонде различия в семантике синонимов "конь" и "лошадь" стираются, но лексема "конь" обладает значительно более широким семантическим потенциалом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 19-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.371

Дата поступления рукописи: 25.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.3>

В статье рассматривается лексико-семантическое наполнение концепта *КОНЬ* на материале кубанской казачьей фразеологии. Цель исследования – описание лексической репрезентации данного концепта в кубанских пословицах, поговорках и фразеологизмах. На основе семантической характеристики основных имён концепта – лексем «*конь*» и «*лошадь*» – сделаны выводы о том, что в кубанском фразеологическом и паремиологическом фонде различия в семантике синонимов «*конь*» и «*лошадь*» стираются, но лексема «*конь*» обладает значительно более широким семантическим потенциалом.

Ключевые слова и фразы: кубанская фразеология; паремия; фразеологизм; репрезентанты концепта; лексема; ядерное значение; метафорическое значение.

Епатко Татьяна Александровна

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru

Особенности лексической репрезентации концепта *КОНЬ* в кубанском фразеологическом фонде

Языковая картина мира (ЯКМ) кубанского казачества является составной частью русской национальной картины мира. Чтобы понять особенности ЯКМ кубанских казаков, нужно изучить кубанскую фразеологию. Устойчивые выражения – пословицы, поговорки и фразеологизмы – отражают систему ценностей народа, его представления о наиболее важных объектах действительности и позволяют реконструировать основные концепты, которые являются единицами описания национальной картины мира. Концепт *КОНЬ* весьма значим для понимания мировосприятия как русского народа в целом, так и кубанского казачества в частности. Кубанский историк И. Ю. Васильев писал: «В системе ценностей любой социальной или этнической группы есть виды материальных объектов, наделённых высоким статусом... В культуре кубанских казаков дореволюционного периода одним из таких объектов был конь. Значимость его проистекала... прежде всего, из той особой роли, которую конь играл в воинской культуре кубанцев» [4, с. 158]. Представляется актуальным изучение основных смыслов концепта *КОНЬ* и средств их репрезентации.

Цель данной статьи – проанализировать лексическую репрезентацию ядерной зоны концептуального поля *КОНЬ* в кубанской казачьей фразеологии. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: описание прямых, ядерных и приращённых, метафорических значений базовых имён концепта – лексем *конь* и *лошадь*, выявление сходства и различия в их семантике. С этим связана и **научная новизна** работы: предпринята попытка охарактеризовать семантику основных имён концепта *КОНЬ* и описать их оценочную составляющую на материале кубанских казачьих пословиц, поговорок, фразеологизмов.

В статье использовались **методы** сплошной выборки и количественной обработки материала, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа. Результаты исследования могут найти **практическое применение** в вузе при проведении семинаров по изучению языка фольклора, а также в школах Краснодарского края на занятиях по кубановедению.

Фразеологические единицы (ФЕ), составляющие ядро концепта *КОНЬ*, включают в себя основные репрезентанты концепта – лексемы *конь* и *лошадь*. Контексты для анализа были взяты из ряда источников: «Фразеологического словаря говоров Кубани» В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелиха [1], «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [3], диссертации В. П. Чалого «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру» [16], «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова [13], сборника Л. Б. Мартыненко и И. В. Уваровой «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» [8], сборника П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» [14] и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота» [10]. Из указанной литературы методом сплошной выборки было выделено 97 фразеологических контекстов, репрезентирующих концепт *КОНЬ*: 23 фразеологизма и 74 паремии. В количественном соотношении слова-репрезентанты во фразеологизмах распределяются следующим образом: с компонентом *конь* – 21 единица, с компонентом *лошадь* – 2 ФЕ. В паремиологическом корпусе количественное распределение контекстов с лексемами, репрезентирующими данный концепт, таково: со словом *конь* – 62 ФЕ, *лошадь* – 12 единиц.

Таким образом, во фразеологическом фонде кубанских говоров при репрезентации данного концепта более частотной является лексема *конь*: она употребляется в 6 раз чаще, чем лексема *лошадь*. Предпочтение первого имени концепта можно объяснить тем, что одним из источников кубанских говоров был украинский язык, в котором есть слово *конь*, но нет слова *лошадь*.

Изучение устойчивых речений в аспекте многозначности ключевых слов показывает, что 53% фразеологических контекстов, содержащих лексему *конь* (44 единицы), отражает её прямые, ядерные значения. При этом нужно отметить, что деление ФЕ на группы в зависимости от употребления слов *конь* и *лошадь*

в прямом или переносном значении весьма условно: в большинстве случаев контексты, в которых происходит метафорическое осмысление этих лексем, можно понять и в прямом значении. В результате анализа фразеологических единиц со словом *конь* были выделены следующие закреплённые на лексическом уровне прямые значения: «боевой конь» и «рабочее животное» [6, с. 214].

Было обнаружено также, что в подавляющем большинстве ФЕ (42 ФЕ из 44) эксплицитно или имплицитно реализуется значение «боевой конь»: *Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться* [8, с. 30]; *Терпи, казак, атаманом будешь, а умрёшь – с коня в рай попадёшь* [16, с. 116]; *На коня* (деньги на приобретение боевого коня) [Там же, с. 117]. В таких микротекстах говорится о важности боевого коня для казака, и лексема *конь* обретает здесь положительную оценочность: *Конь для казака дороже всего* [Там же, с. 111]; *Нет ничего дороже казаку, чем конь* [Там же]; *Без коня не казак* [Там же]; *Без отца да без матери казак ещё не сирота, а как без коня, – круглый* [Там же]; *Биз коня казак кругом сырота* [8, с. 52]; *Казак без коня что солдат без ружья* [Там же, с. 40]; *Булы б кони, казаки найдуться* [14, с. 107]. Положительную коннотацию (мелиоративная оценочность + эмоциональная окраска) данная лексема имеет и в тех пословицах и поговорках, которые подчёркивают любовь казака к своему боевому коню, восхищение этим животным: *Конь – это душа казака* [16, с. 112]; *Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом* [Там же]; *И спит, и коней во сне видит* [Там же]; *Кинь жвавий, сам бравый* [14, с. 160]; *Бисами добрый кинь* [16, с. 112]. Необходимо отметить, что в общелитературной лексике *конь* тоже осмысливается главным образом как животное, предназначенное для участия в военных действиях – *боевой конь*, а лексема *конь* обладает преимущественно положительной коннотацией [6, с. 216].

Казаки не случайно так высоко ценили боевого коня. Вместе со своим хозяином конь преодолевал трудности службы, проходил сквозь огонь военных сражений, часто спасал жизнь казаку, поэтому «в народном сознании боевой конь наделялся качествами, близкими казакам: удалью, бесстрашием, лихостью» [4, с. 163]. Это особое отношение не могло не отразиться в пословицах. Часть паремий, в которых реализуется сема *боевой конь*, говорит о верности коня своему хозяину: *Конь, как пёс, всю жизнь на одну кличку отзывается* [16, с. 112]; *Нет у казака лучшего друга, как его боевой конь* [Там же, с. 111]; *Конь на службе казаку – верный товарищ* [Там же]; *Хороший друг – то как вороной конь: и из огня вынесет, и из беды вызволит* [8, с. 24]. В данных ФЕ лексема *конь* тоже имеет положительную коннотацию, а в трёх последних паремиях она олицетворяется в сравнениях и приобретает значение «друг». При этом признаком сопоставления коня с другом оказывается такое важное в бою качество, как верность.

В большинстве приведённых выше контекстов присутствует или подразумевается существительное, обозначающее субъекта действия – казака-воина, мужчину, или местоимение, указывающее на него. Это означает, что в данных ФЕ конь представлен как часть мужского мира. Историки казачества отмечают, что «конь символизировал для казака принадлежность к мужской субкультуре», поэтому в казачьем мире он «был в той или иной степени изолированным от женщин» [4, с. 160]. Эта изолированность подчёркивается и в пословице, где субъектом действия является женщина: *Вот какая женщина: хоть до коней, хоть до рала, хоть до пана генерала* [8, с. 14]. В пословице говорится о необычной, исключительной женщине, которая может сделать то, что в обычной жизни является прерогативой мужчины: и скакать на коне, и пахать землю, и не оробеть перед воинским начальством. Обращает на себя внимание и то, что в этой пословице подчёркивается также не рабочее, а боевое назначение коней, а сему *работа* выражает другое слово – *рало*, обозначающее сельскохозяйственное орудие труда.

Лингвист В. П. Чалов указывает, что ряд ФЕ, посвящённых боевому коню, представляет собой наставления, кавалерийские заповеди [16, с. 112]. Это своеобразные правила, в которых сконцентрирован опыт обращения с конём. Такие поучения имеют общее значение «принуждение коня к повиновению»: *Держись за гриву, бо за хвост коня не удержишь* [8, с. 48]; *Бийся козла спэрэди, коня сзади, а дурного чоловика – з усих сторон* [14, с. 106]; *Хозяин коня тот, кто на нём сидит, кого конь на себе нэсэ, кому служит* [16, с. 111]; *Дать коню нагайку* [Там же, с. 110]. В этих паремиях в слове *конь* актуализируется также ассоциативная сема *непокорность*. О своевольном, свободолюбивом характере коня, предназначенного для военной службы, говорит и пословица *То и конь, что треноги рвёт* [Там же, с. 112]. Ведь часто именно для службы покупалась полудикая, выросшая в табуне, на воле лошадь, которую необходимо было ещё объездить, это делал либо черкес-табунщик, либо сам казак, владелец коня [9, с. 141].

К группе паремий, реализующих прямое значение «боевой конь», можно отнести и пословицы, в которых актуализируется сема *уход за конём*. Лексема *конь* в данных ФЕ тоже имеет положительную коннотацию. Казаки, проходившие военную службу со строевыми лошадьми, разводившие их, прекрасно знавшие их повадки, особенности ухода за ними, очень бережно, а порой и самоотверженно ухаживали за этими животными, поэтому об уходе за конём говорится в разных пословицах: *Береги коня как зеница (зеника, зеницу) ока (вока)* [16, с. 111]; *Побереги коня раз, а он тебя десять раз* [Там же]; *Майская роса коням лучше вивса* [14, с. 122]; *Сам недоешь, а коня накорми, сам недопей, а коня напои* [16, с. 111]; *Не давай коню тощать – в дороге не станет* [8, с. 35]; *Бэрэжи коня дома, а вин тэбэ – в дорози* [14, с. 147]. Большинство этих ФЕ тоже имеют форму кавалерийских заповедей. Пословица *Хороший казак коня своего сам холит* [16, с. 111] может употребляться не только в прямом значении, но и в расширенном, переносном [Там же, с. 112], приобретая при этом приращённое значение «своё – чужое».

Для службы в армии отбирались абсолютно здоровые, соответствующие высоким общеармейским стандартам животные [9, с. 143-144], что отразилось и в пословицах: *Конь лэчонный, жыд креционый* [14, с. 120];

На лэченом кони далэко нэ уидэши [Там же, с. 123]; *Лээным конэм нэ найиздэшия* [Там же, с. 121]. Эти паремии также могут быть использованы и в переносном значении, применительно к человеку. Основой метафорического переноса служит при этом признак «психофизиологическое состояние» объектов скрытого сравнения.

Фразеологические контексты, в которых говорится о боевом коне, могут эксплицитно или имплицитно актуализировать значение «дорога», поскольку совокупно эти образы отражают реалии походной жизни казачества. Когда казак уходил на службу или на войну, обычно он выезжал из ворот на коне, которого вела под уздцы мать, невеста, или выходил пешком, сопровождаемый родными и близкими [2]. Традиции проводов казака отразились во ФЕ *Выпить на коня* (выпить перед дорогой) [14, с. 120] – в этом фразеологизме лексема *конь* со временем приобретает ассоциативную сему *дорога* на основе метонимического переноса. Военный поход сопровождался дорогой, зачастую трудной и тяжёлой: *На коня – копыцею, а з коня – пше-ныцею* [Там же, с. 123]; *Конём играть* (скакать) [16, с. 112]; *Конём гулять* (скакать) [Там же, с. 114].

Если сема *боевой конь* эксплицитно или имплицитно реализуется в сорока двух паремиях, то сема *рабочий конь* – только в двух: *Хорошего коня в работе побачишь, а хорошую жену – у люльки* [8, с. 22]; *Как покормишь коня, так и попашишь* [Там же, с. 55]. Немногочисленность таких фразеологических контекстов может объясняться тем, что, как свидетельствует историк кубанского казачества Ф. А. Щербина, черноморские казаки были скотоводами, охотниками и рыболовами; лишь переселившись на Кубань, они начали постепенно развивать у себя земледелие [17, с. 557]. Кроме того, на степных кубанских просторах в качестве рабочих, тягловых животных и черноморцы, и линейцы чаще использовали не лошадей, а волов; испокон веков лошадь была главным транспортным и тягловым животным у тех славян, которые жили в лесной зоне [12, с. 590].

Со временем место коня в жизни кубанских казаков стало меняться. Историк И. Ю. Васильев пишет, что в конце XIX – начале XX века, когда экстенсивное коневодство на Кубани пришло в упадок и цены на строевых коней выросли, казакам стало трудно приобретать их. В то же время в связи с распашкой целины лошадь как тягловое животное стало вытеснять вола, поэтому конь все активнее стал выступать в роли хозяйственного животного. Это повлекло за собой изменения и в казачьем менталитете: «Отношение к строевому коню – один из основных показателей сохранения или упадка казачьей системы ценностей. Желание иметь боевого коня свидетельствовало о приверженности воинским идеалам, которые традиционно первенствовали в казачьей ментальности. Взгляд на коня исключительно с хозяйственной точки зрения говорил о размывании специфического воинского мировоззрения казаков» [4, с. 164].

Итак, в большинстве фразеологических единиц, включающих слово *конь* в прямом значении, эта лексема имеет положительную оценочность и эмоциональную окраску. Некоторые паремии могут употребляться как в прямом, так и в расширительном переносном значении.

В собранном нами материале насчитывается 47% фразеологических контекстов с лексемой *конь* (39 единиц), содержащих метафорическое осмысление этой лексемы. Н. А. Илюхина в своей монографии «Метафорический образ в семасиологической интерпретации» отмечает, что «при метафорическом функционировании образа наблюдается, с одной стороны, сохранение целостного представления о реалии в качестве “образного” плана, а с другой... разложение его семантического потенциала на составляющие, которые допускают систематизацию» [7, с. 98]. Она выделяет материально-физический, биологический, психофизиологический и функциональный аспекты семантического континуума образа коня, каждый из которых включает ряд частных признаков [Там же]. В результате анализа фразеологических единиц кубанских говоров, содержащих лексему *конь*, были выявлены различные приращённые значения. Наиболее многочисленна группа контекстов, в которых даётся образная характеристика человека.

Иногда с конём сравнивается внешне непривлекательный человек. Фразеологизмы, сопоставляющие человека с конём в материально-физическом аспекте, выделяют в образе сравнения такие признаки коня, как «крупное телосложение, рослость»: *Конь в юбке*. «О женщине крепкого телосложения, грубоватой» [1, с. 111], или «возраст»: *Красивый, как кинь (конь) сивый*. «О постаревшем, некрасивом человеке» [Там же, с. 106]. В данных устойчивых речениях лексема *конь* получает ироническую окрашенность и отрицательную оценочность.

ФЕ *Не в коня корм* [8, с. 36], в основе которой лежит функциональный признак «требующий ухода», характеризует нечто, не приносящее человеку пользу. Это устойчивое выражение получило распространение и в литературном русском языке, о чем свидетельствуют данные Фразеологического словаря русского литературного языка А. И. Фёдорова: «Не в коня корм – Разг. Ирон. Не идёт на пользу кому-либо. О пище, еде. – *Справная стала, надо быть, с толстых харчей. – Ох, не вали на харчи, – всполошилась матушка, – повсегда харчи были тебе не в коня корм... Не шли мне грешных мыслей в голову* (А. Санжаровский. Жених и невеста)» [15, с. 314].

Казаки хорошо знали, что конь может быть не только верным и ласковым, но и необъезженным, строптивым, поэтому упрямый, непокорный, не подчиняющийся чужой воле человек во фразеологизмах тоже сравнивается с конём: *Норовитый як конь* [1, с. 155]; *Сдерживать, как норовистого коня* [16, с. 110]. При характеристике личности этот смысл выступает показателем психологического типа «свободного» человека [7, с. 109]. В основе сравнений лежит один из признаков психофизиологического аспекта семантики образа коня – «характер животного».

Казаки всегда ценили коня, особенно боевого, как прекрасное, благородное, отличное от всех существо. Боевой конь для своего хозяина значил больше, чем любое домашнее животное, поэтому некоторые ФЕ, включающие лексему *конь*, подчёркивают некую исключительность, даже аристократизм человека, сравниваемого с конём: *Куды кинь копытом, туды и жаба лапою* [14, с. 120]; *Куда конь с копытом, туда и рак*

с клэшинё [8, с. 74]; *Похожа свинья на коня, тикэ шерсть нэ така* [Там же, с. 18]. В данных контекстах конь противопоставлен «низким» животным (жабе, раку, свинье) не только по признаку «внешний вид», но и по более высокому «статусу». Слово *конь* имеет положительную оценочность и включает ассоциативную сему *боевой конь*, так как именно боевой конь символизировал для казаков воинское ремесло, силу, свободу и аристократизм, был символом казачьего воинского статуса его владельца [4, с. 159].

В кубанской фразеологии знающий, опытный человек сравнивался с умным, осторожным, хорошо выученным конём: *Бережёного коня и зверь в поле не берёт* [8, с. 47]; *Осторожного коня и волк не берёт* [Там же]; *Старый конь борозды не портит* [Там же, с. 31]. Эти устойчивые контексты в рамках психофизиологического аспекта актуализируют признак «выучка, знания». К этой же группе относится и пословица *Конь на чытырёх нагах, и то спатыкайица* [14, с. 66]. Способность коня спотыкаться во время движения переосмысливается как способность даже опытного человека ошибаться. В данных контекстах лексема *конь* содержит положительную коннотацию.

Казак не только воевал, но и трудился вместе с конём, поэтому часть фразеологических контекстов с лексемой *конь* говорят о работающем человеке: *Коня в гости зовут не мёду пить, а воду возить* [8, с. 27]; о некачественной работе: *Дело стоит – и конь не валялся* [Там же, с. 14]; о человеке, который на все руки мастер: *Конь возит воду и воеводу* [16, с. 115]. В данных контекстах акцентируется признак «выполняющий работу», а в последнем примере – и признак «боевой конь», относящийся, по систематизации Н. А. Илюхиной, к функциональному аспекту образа коня.

Паремии, в которых говорится об уходе за конём, также метафорически характеризуют человека. Это мудрые советы человеку, своеобразная концентрация жизненного опыта. В пословице *Песнею коня не накормишь* [13, с. 144] говорится о том, что голодного человека нужно накормить. Пословица *Не гони коня кнутом, а гони его овсом* [8, с. 38] даёт совет о том, что для успешного влияния на человека необходимо его поощрять. Пословица *Ясли до коний ни ходють* [14, с. 82] – это совет человеку быть инициативным.

Некоторые ФЕ, содержащие лексему *конь*, характеризуют неодушевленные предметы или абстрактные понятия. Конь сравнивается с подарком в пословице *Дарёному коню в зубы не смотрят* [8, с. 38]. Метафорическое приращение осуществляется на основе функционального признака «конь – предмет дарения, приобретения». Фразеологизм *Хоть (хочь; хучь) конём гуляй (играй)* [16, с. 114] характеризует просторное помещение и основан на биологическом признаке «движение». Признак «быстрое движение», который можно считать ведущим в структуре образа коня, лежит в основе паремий, посвящённых абстрактным понятиям: неизбежности судьбы (*Нэ кинь взэз, а Бог нэсэ* [14, с. 127]; *От притчи и на коне не уйти* [8, с. 75]), невозможности, недостижимости желаемого (*Конём не догнать* [1, с. 69]). Неизбежность своей доли или невозможность чего-либо подчёркивается предикатом-инфинитивом с отрицательной частицей *не*. Фразеологизм *Конём не догнать* многозначен: он характеризует и того, кто быстро бежит. В устойчивом предложении *Хотел ехать дале, да кони встали* [8, с. 62], акцентирующем признак «прекращение движения», слово *кони* имеет приращённое значение «остановка, препятствие в каком-либо деле». Фразеологизм *С коня (коней) не слазить (слезать)* [16, с. 112] говорит о человеке, который долгое время находится на службе, воюет. Слово *конь* приобретает значение «служба». Метафорическое приращение происходит на основе функционального признака «боевой конь».

Знаковыми для языковой картины мира кубанских казаков являются и другие приращённые значения лексемы *конь*, в частности те, что выявляются в пословицах, поговорках и фразеологизмах с противопоставлением. Так, пословицы, включающие предложные сочетания *на коне* и *под конём*, актуализируют оппозицию *счастье – несчастье*: *Со счастьем – на коне, без счастья – под конём* [8, с. 44]; *Хто на кони, той бува и пид конэм* [14, с. 139]. Приращённое значение возникло на основе прямого значения «боевой конь»: на коне оставался выживший в сражении казак, под конём оказывался раненый или убитый.

Не менее важной в ЯКМ кубанского казачества является оппозиция *свой – чужой*. Боевой конь был больше, чем собственностью воина, – он символизировал воинскую честь казака, поэтому, как отмечают историки, был «наделён неприкосновенностью. Схватить чужого коня за повод – оскорбить хозяина» [4, с. 160], да и наказание для того, кто осмеливался украсть коня, было особенно жестоким [Там же]. В пословицах также реализуется в разных значениях оппозиция *свой – чужой*: *С чужого коня хоть среди грязи долой* [8, с. 71]; *С чужого коня – хочь сэрэдь дороги геть* [1, с. 293]! (чужой конь – это конь, принадлежащий другому). В пословице *Конь кабылу ни убьёт* [13, с. 105] ассоциативная сема *свой* лексемы *конь* реализована в ином плане: родной или связанный близкими отношениями.

Фразеологических единиц, содержащих лексему *лошадь*, в собранном материале четырнадцать. В пяти из них эта лексема имеет прямое значение. В этих фразеологических контекстах, как и во многих паремиях со словом *конь*, подчёркивается ценность этого животного для казака, любовь к нему. В зависимости от ситуации использования этих ФЕ, слово *лошадь* может приобретать ассоциативные семы *строевая лошадь* или *рабочая лошадь*: *Из-за одного гвоздя теряется подкова, из-за одной подковы можно потерять лошадь* [8, с. 48]; *Бида, у кого лошадь худа* [14, с. 105]; *Лошадь ценится резвостью, а человек – знанием* [8, с. 30]; *И спит, и лошадей во сне видит* [16, с. 112]; *Казак сам не ест, а лошадь кормит* [Там же, с. 111]. В этих паремиях говорится о том, что ценит казак в лошади – резвость и здоровье. Слово *лошадь* имеет в этих устойчивых выражениях положительную коннотацию. Фразеологических контекстов, эксплицитно выражающих значения «рабочая лошадь», «строевая лошадь», не обнаружено.

В общелитературной лексике *лошадь* осмысливается преимущественно как животное, предназначенное для работы – *рабочая лошадь*. Оценочная составляющая общеязыковой лексической семантики слов *конь*

и лошадь разная (лексема лошадь обладает положительной коннотацией значительно реже, чем лексема конь) [6, с. 216]. Можно предположить, что в кубанской фразеологии слова конь и лошадь становятся более полными синонимами, чем в общелитературной лексике. На более глубокую синонимию лексем конь и лошадь указывает и то, что в кубанском паремиологическом фонде отсутствуют контексты, в которых выражена их дифференциация, например, такие пословицы, как *Не всё то конь, что лошадь* [11, с. 210]; *Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом* [5, с. 157]. Напротив, в одной из кубанских паремий эти лексемы взаимозаменяемы: *И спит, и коней (лошадей) во сне видит* [16, с. 112].

Приращённые значения лексемы лошадь, актуализирующиеся в девяти кубанских фразеологических единицах, также сходны с семантикой метафорических употреблений лексемы конь:

- изношенный, больной человек: *Тощей лошади и хвост в тягость* [8, с. 36];
- подавленный человек: *Ходит, как опоенная лошадь* [16, с. 112];
- необходимость поощрения для человека: *На лошадь не плеть покупай, а овёс* [13, с. 139]; *Не тот хозяин, кто в стремя ноги вложил, а тот, кто сыто лошадь накормил* [16, с. 111] – в последнем микроконтексте приращённое значение возникло на основе прямого значения «строевая лошадь»;
- свой – чужой: *Свой осёл лучше чужой лошади* [8, с. 71]; *Я ни я и лошьють ни моя* [13, с. 125];
- прожорливый, способный много съесть человек: *Лошадь упрёт(ь)* [3, с. 430];
- подчинение, покорность – на этом контекстуальном значении остановимся подробнее.

Как было отмечено выше, некоторые ФЕ со словом конь ассоциируют этот образ со строптивым, непокорным, свободолюбивым человеком. Н. А. Илюхина отмечает, что при метафоризации образа коня часто может актуализироваться и противоположный признак – «покорный, привыкший к работе, к власти над собой», который воплощается в образе рабочей лошади [7, с. 107-108]. Среди рассмотренных кубанских фразеологических контекстов с лексемами конь и лошадь нами были найдены только две пословицы, в которых реализуется названный признак: *Одной рукой слезу утирай, а другой лошадь погоняй* [8, с. 11]; *Жизнь не лошадь, кнутом не погоняешь* [13, с. 144]. В последней пословице человеческая жизнь противопоставлена лошади по функциональному признаку «неподчинение/подчинение человеку».

Таким образом, в кубанских фразеологизмах и паремиях, составляющих ядро концептуального поля КОНЬ, основная смысловая нагрузка сосредоточена в контекстах, включающих имя концепта конь, которое является значительно более частотным, чем второе имя концепта лошадь.

Данное исследование показало, что в семантике образа коня кубанские фразеологизмы акцентируют сему боевой конь. Это прямое, ядерное значение присутствует и в семантике фразеологического образа лошадь. Кроме того, и паремии со словом конь, и паремии со словом лошадь рисуют это животное как необходимое казаку и очень ценное для него, поэтому во многих контекстах с этими лексемами на первый план выходит сема ценностность, значимость коня/лошади, а сами лексемы приобретают в основном положительную эмоциональную окраску.

Необходимо отметить, что сходными оказываются и приращённые значения, реализуемые фразеологическими единицами с лексемами конь и лошадь (изношенный, больной человек; необходимость поощрения для человека; свой – чужой). Помимо этих значений, слово конь актуализирует ещё широкий спектр метафорических смыслов, в большинстве своём образно характеризующих человека. В то же время исходное, прямое значение всех ФЕ, употребляющихся в переносном значении, не стёрлось.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что во фразеологическом и паремиологическом фонде кубанских говоров, отражающем менталитет кубанского казачества, различия в семантике имён концепта КОНЬ – слов конь и лошадь – исчезают, но лексема лошадь, которая является значительно менее употребительной, семантически как бы «находится в тени» слова конь. Это значит, что более распространенная лексема конь может быть признана «основной» ещё и потому, что обладает и значительно более широким семантическим потенциалом.

Список источников

1. Андрющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. 300 с.
2. Бондарь Н. И. Традиционная культура кубанского казачества в XVIII – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1538&type=page> (дата обращения: 22.11.2018).
3. Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
4. Васильев И. Ю. Боевой конь в системе ценностей кубанских казаков // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 25 февраля 2005 г.). Краснодар: ИМСИТ, 2005. С. 158-165.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: Изд-е т-ва М. О. Вольф, 1881. Т. 2. 807 с.
6. Епатко Т. А. Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 213-217.
7. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта; Наука, 2010. 320 с.
8. Мартыненко Л. Б., Уварова И. В. Пословицы, поговорки и загадки Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 154 с.
9. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
10. Пивень А. Е. Торба смеха и мешок хохота. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 224 с.
11. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.

12. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. 702 с.
13. **Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края** / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. 192 с.
14. **Ткаченко П. И.** Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар: Традиция, 2008. 240 с.
15. **Фёдоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
16. **Чалов В. П.** Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... к. филол. н. М., 1981. 292 с.
17. **Щербина Ф. А.** История кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 1. 734 с.

Specificity of Lexical Representation of КОНЬ (HORSE) Concept in the Kuban Phraseological Fund

Epatko Tat'yana Aleksandrovna

*Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
epatko.t.a@yandex.ru*

The article analyses lexico-semantic filling of the concept КОНЬ (HORSE) by the material of the Kuban Cossack phraseology. The paper aims to describe lexical representation of the concept in the Kuban proverbs, sayings and phraseological units. Relying on semantic description of the concept basic names – the lexemes КОНЬ and ЛОШАДЬ – the author concludes that in the Kuban phraseological and paroemiological fund, differences in the semantics of the synonyms КОНЬ and ЛОШАДЬ disappear, but the lexeme КОНЬ has a richer semantic potential.

Key words and phrases: Kuban phraseology; paroemia; phraseological unit; concept representatives; lexeme; nuclear meaning; metaphorical meaning.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 02.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.4>

Данная работа посвящена анализу имплицитных и эксплицитных форм проявления речевой агрессии в публицистическом дискурсе; рассматриваются высказывания, нарушающие речевую культуру и коммуникативную этику, устанавливается взаимосвязь между общеязыковыми тенденциями и изменениями, происходящими в публичном коммуникативном пространстве. Обращение к публицистическому дискурсу позволяет проследить общеязыковые и коммуникативные тенденции, проявляющиеся в распространении ненормативных, инвективных форм общения. В ходе исследования подтверждается мысль о том, что речевая агрессия в публицистическом дискурсе не только затрудняет процесс общения, но и негативно влияет на речь населения, несет угрозу национальной культуре и русскому языку.

Ключевые слова и фразы: речевая культура; публичная коммуникация; публицистический дискурс; средства массовой информации; политические ток-шоу; стилистически сниженная лексика; речевая агрессия; речевая инвектива; эффективное общение.

Калинина Марина Анатольевна, к. филол. н.

Калинина Маргарита Владимировна, к. филол. н.

*Волгоградский государственный институт искусств и культуры
ma-kalinina@yandex.ru; kalinina_8181@mail.ru*

Речевая агрессия в публицистическом дискурсе (на материале российских политических ток-шоу)

В современных исследованиях, посвященных коммуникации, важным является круг вопросов, связанных с изменениями, происходящими в публичном речевом пространстве (И. А. Стернин, В. И. Шаховский, О. Б. Сиротина, Л. А. Брусенская, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская, Е. А. Гутина, О. С. Иссерс и т.д.). В последние десятилетия возрастает роль публичной и устной речи, активизируются полемические формы диалога, внедряются манипулятивные технологии, активно развивается публицистический дискурс. Термин «дискурс» широко употребляется в лингвистической науке и определяется как «центральный момент человеческой жизни “в языке”» [10, с. 192], как «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 137]. Став приметой общественно-политической жизни, публицистический дискурс обращает на себя внимание лингвистов в аспектах функционирования русского языка как государственного, речевой культуры, следования коммуникативной этике. В настоящее время «современный речевой идеал формируется в публичных коммуникациях и транслируется для массовой аудитории из сферы масс-медиа» [8, с. 181]. Средства массовой информации (далее – СМИ) –